

Из воспоминаний о терроре с 1788 по 1793 г.

Жорж Дюваль

Воспоминания реакционера о борьбе с контрреволюционным духовенством

Материалы сборника

«АТЕИЗМ и БОРЬБА С ЦЕРКОВЬЮ В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»,
подготовленного и изданного Центральным советом Союза воинствующих безбожников СССР

под редакцией и с предисловием Ц.Фридлянда.

Огиз - Государственное антирелигиозное изд-во. Москва -1933

Веб-публикация: Марта и редакторы сайтов [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#) ©

...Церкви все еще оставались открытыми. Так как служившие в них священники вовремя принесли требовавшуюся гражданскую присягу конституции, они считались законопослушными. Ни против, них, ни против их паствы ничего не могли иметь. Но эти священники все же служили обедни и кроме того по остатку навыков их прежнего ремесла произносили проповеди, в которых говорили о боге и развивали старые моральные и религиозные воззрения. А это уже казалось прямо скандальным. Было решено покончить с этим. Начали с того, что в большинстве церквей разместили народные общества, которые обычно открывали свои заседания в такое время, когда должна была начинаться религиозная служба. Члены этих обществ, собравшись посреди церкви, сопровождали начало богослужения своими патриотическими песнями вроде [Карманьолы](#) и [Марсельезы](#), забрасывали оскорблениями священников даже во время службы, распивали вино из чаш, бросали в кадилъницы человеческие экскременты и другие зловонные вещества, а часто даже спускали священника с кафедры и начинали проповедывать вместо него. Подобная сцена, однажды разыгралась в моем присутствии в церкви Сент-Андре-дез-ар. Конституционный приходский священник собирався приступить к проповеди, когда дворник с улицы Серпант, известный в своем квартале под кличкой «Вывернутая ступня», с быстротою белки взлетел на кафедру, сбросил с нее священника, осенил себя крестным знаменем и стал проповедовать приблизительно в следующих выражениях: «Во имя сатаны, Астарты и Вельзевула и всех великих дьяволов ада увещаю вас не слушать больше капуцинские словоизвержения гнусавого попаика, которого я только что сбросил отсюда. Довольно с вас всех этих старых кривляний. Забавляйтесь всласть, пейте здорово, ласкайте ваших жен или ваших любовниц - и черт с вами. Аминь!» «Вывернутая ступня» был в то время членом Революционного комитета секции Марс (бывш. секция Французского театра).

Церкви, повсюду бывшие ареной подобной профанации, стали постепенно пустеть, и воскресные дни скоро стали отличаться от других дней недели лишь тем, что лавки были закрыты. Но даже и этот последний религиозный пережиток не долго сохранялся. И действительно, 2 октября 1793 г. (1 брюмера. 2-го года), в тот самый день, когда народное общество г. Мулен оповестило парижское народное общество, что епископ департамента Аллие облачился, служа в последний раз в церкви, вместо клобука с посохом в красную шапку с пикой в руках, - в тот день Парижская коммуна вынесла постановление, воспрещавшее, под страхом быть объявленными фанатиками, закрывать по воскресным дням лавки. И некоторые торговцы, принявшие было это постановление за пустую угрозу, убедились в противном, когда, вернувшись в воскресенье вечером из загородной прогулки, они увидели, что двери их лавок взломаны, окна выбиты, лавки опустошены, и были еще рады, что отделались только этим.

А затем наступило полное крушение религии. Все церкви являли собою внутри зрелище страшного разрушения. Повсюду, как например в Сен-Дени статуи святых были опрокинуты, ризницы были осквернены, мрамор на алтарях разбит, памятники на могилах разрушены. Париж дал сигнал такого разрушения, провинция поспешила за ним последовать. Некоторые местности старались даже перещеголять его и совершали в этом отношении нечто совершенно ни с чем не сравнимое. Следы этого мы находим в донесениях народных представителей, которых командировали в разные департаменты, и в адресах некоторых народных обществ.

Рюль объезжал тогда в качестве миссионера Конвента департамент Марны. И он писал из Реймса яacobинцам в Париж, что «собрал на городской площади стариков и в их присутствии схватил сосуд с миром - пресловутую бутылку, которую фанатизм столь тщательно сохранял для миропомазания королей, - и которую он разбил под самые горячие аплодисменты собравшихся».

Вслед затем Директория департамента Верхней Соны сообщает Конвенту, что она в строгом согласии с республиканскими принципами категорически запретила всем учителям государственных школ касаться на своих уроках каких бы то ни было вопросов, которые связаны с представлением о боге.

Потом пишет Андрэ Дюмон: «Гнусные ханжи, не принесшие присяги на верность конституции, жили в стогах сена в бывшем Гарском аббатстве. Трое из этих черных зверей были там найдены спрятавшимися, а когда их оттуда извлекли, там нашли зарытым в землю ценный клад. Теперь подсчитывается найденное золото и серебро, а три чудовища отправлены в тюрьму, где они будут дожидаться суда. Посылаю вам золотую медаль, на которой выгравировано изображение *Людовика Укороченного*. Я только что потребовал ареста священников, дерзавших праздновать воскресные и праздничные дни. Приказываю повсюду сбивать распятия и кресты.

Я в восторге, - восклицает он несколько дней спустя, - церкви повсюду закрываются, всюду сжигаются исповедальни и изображения святых, а из книг для хорового пения изготавливаются орудийные патроны. В Перонне, где я произнес республиканскую проповедь, все жители приветствовали меня восклицаниями: «Не надо нам священников! Равенство и разум!» На горе я совершил несколько бракосочетаний, причем брачующиеся были в разводе по первому браку».

Ланьело и Лекинио со своей стороны вели не менее жестокую борьбу за искоренение фанатизма. Сообщив в своем донесении, что они подвергли аресту поставщика церковных свечей по имени Риввер, которого учрежденный по их распоряжению Революционный трибунал отправит на гильотину, они продолжают: «У нас одни чудеса сменяются другими. Восемь служителей католического культа сложили с себя священнический сан в присутствии огромной толпы народа, собравшейся в храме Истины, прежней приходской церкви, и поклялись вести проповеди против всех видов политической и религиозной тирании. Для начала они предали сожжению свои священнические грамоты. Плакат с «правами человека» заменил в храме Истины все смехотворные и глупые таинства».

Но все это только служило подготовкой к разыгравшейся в Париже большой эффектной сцене, отражение которой скоро дало себя чувствовать во всех департаментах, вынужденных подражать столице.

После того, как уничтожение католического культа окончательно было решено вечером 31 октября в городской ратуше на совещании, на котором присутствовали главные вожаки Горы, за исключением Робеспьера, некоторые члены Директории и наконец все члены Парижской коммуны, которая как раз в этот день постановила посылать римскому папе для излечения его от его заблуждений все антирелигиозные декреты, - председатель департамента Моморо, генеральный прокурор Люлие, его заместитель Эбер, депутат Колло д'Эрбуа, три протестантских священнослужителя, в том числе Жюльен из Тулузы, тоже депутат, отправились между 11 и 12 часами ночи в архиепископство и потребовали свидания с епископом Гобелем. Последний, уже легший спать, велел сказать депутации, что примет ее завтра утром - так рано, как она пожелает. «Поди скажи твоему хозяину, - сказал Эбер лакею, - что избранникам народа не след дожидаться какого-то попика и чтобы он сию минуту поднялся». Несчастный прелат, вынужденный повиноваться, поспешно поднимается и выходит к представителям народа. Шометт в нескольких словах излагает ему, в чем дело. «Да свершится воля господ бога», - отвечает, наклоня голову, Гобель. «И наша также, - заявляет Шометт. - А наша воля состоит в том, чтобы все религиозные кривлянья прекратились, чтобы все церкви были закрыты, чтобы вы, ваши викарии и ваши приходские священники сожгли свои грамоты, как большинство ваших собратьев уже сделало разумно во многих департаментах, и чтобы в возможно более короткий срок вместе со всем вашим духовенством отправились в Конвент и там отреклись от всех глупостей, которыми вы слишком долго досаждали народу». Хотя Гобелю было уже около 70 лет и он был слаб характером и отличался чрезмерной робостью, он тем не менее был возмущен таким предложением и старался убедить депутацию, что ему не след до такой степени унижить священный сан, которым он облечен, повторяя, что он никогда не сможет решиться пойти на такой скандал. «Ну, знаете, - ответил ему Шометт, - время пустозвонных речей прошло - народ их больше не желает слышать. И так как он теперь хозяин, то ему нужно повиноваться. А затем - мы вам даем два или три дня на размышление, т.е. чтобы вы могли выбрать между отречением и гильотиной. До свидания, ваше преосвященство».

4 или 5 дней спустя Шометт снова явился к епископу, на этот раз в сопровождении одного лишь Анахарсиса Клоотса. Он снова повторяет свое предложение Гобелю об отречении, прибавив при этом, что совет Коммуны постановил назначить обряд отречения на следующий день. Гобель снова оказал делегатам сопротивление, которое впрочем ослабевало по мере того, как делегаты рисовали ему в перспективе либо гильотину, либо уважение и признательность патриотов, с приложением круглой суммы в 300000 франков ассигнациями в случае согласия. После долгих колебаний и возражений Гобель дал наконец согласие - и, я думаю, скорее потому, что он цеплялся за остаток жизни, чем ради предложенных ему 300000 франков, на которые он несколько месяцев спустя дал квитанцию на площади Революции, не получив в их счет ни одного сантима.

Вечером по всему городу разнесся слух, что на следующий день, 17 брюмера (7 ноября), конституционное духовенство Парижа во главе со своим епископом выйдет в час дня из помещения архиепископства, чтобы совершить акт отречения в Конвенте. В этот день около полудня все улицы, по

которым должен был пройти кортеж, были переполнены жадно следившей за зрелищем толпой. Чтобы окружить прелата достойным его эскортом, Шометт за несколько дней до этого события разослал своих агентов по всем парижским приходам, и ему удалось таким образом на вербовать довольно значительное число священников, - я насчитал свыше двухсот, пока процессия проходила мимо меня.

Когда кортеж поравнялся с тем местом, где я находился, он был встречен ужасающими криками: «Долой попов, долой воронов!» Кричали и свистали так громко, что нельзя было расслышать, что говорил сосед. Шометт, который шел во главе процессии, опоясанный муниципальным шарфом и с красной шапкой на голове, сделал знак рукою, призывая кричавших к молчанию, и толпа почтительно затихла, чтобы выслушать генерального прокурора Коммуны. «Вовсе не то нужно кричать, друзья мои, - сказал он, - совсем не то; добродетельные священники, которых я веду, идут в Конвент сложить с себя священнический сан, и они уйдут оттуда такими же санкюлотами, как мы с вами». «Вот как! В таком случае да здравствуют попы!» И этот новый крик был подхвачен на обоих тротуарах Нового моста, под аккомпанемент перезвона на водокачке, где стали вызванивать с вариациями излюбленные патриотами мотивы Карманьолы и *Ca Ira*. Наэлектризованная толпа запела слова этих песен и, разрастаясь численно с каждым новым шагом, с триумфом довела епископский кортеж, следуя по набережным и затем по Тюильрийскому саду, до самого зала заседаний Конвента.

Заседание Конвента от 7 ноября стало приносить свои плоды. Председатель Лалуа имел все основания утверждать, что великий пример парижского духовенства вызовет последователей среди духовенства всей Республики. Да и на могло быть иначе, ибо одни и те же средства «убеждения» употреблялись по отношению к священникам по всей стране. Так, несколько дней спустя Карье в таких выражениях изливал в своем донесении Конвенту свою патриотическую радость: «Проповедь религии Разума воодушевляет всех граждан и поднимает их идейно до уровня Революции. Суеверие, предрассудки, фанатизм - все рассеивается при свете факела философии. Мне, бывший епископ, а ныне председатель департамента, разоблачил в очень сильной речи заблуждения и преступления духовенства и отрекся от своего священнического сана. 5 приходских священников последовали его примеру... Событие другого рода способствовало уменьшению числа священников. 90 священников, отказавшихся принести присягу на верность конституции, содержались на барже на Луаре, и мне сейчас сообщили из вполне достоверного источника, что все они утонули в реке».

Едва секретарь Гильмарде огласил письмо депутата Карье, как к нему поступило тут же оглашенное им другое письмо, заключавшее в себе не менее удовлетворительные сведения. Они исходили от упомянутых уже народных представителей Лэньело и Лекинио, бывших в миссии в Рошфоре. Они между прочим сообщали: «Вчера здесь были смыты последние следы суеверия. Над огромным костром, разведенным на городской площади, высились извлеченные из церкви картины и всякие изображения. Население покрыло костер 5-6 тысячами так называемых священных книг, и костер пылал под всеобщие приветствия и республиканские песни».

Конец заседания был отмечен появлением депутации секции Санкюлотов (бывш. Финистер, а еще раньше секция Ботанического сада), заявившей, что она «не желает больше иметь посредников между нею и божеством и впредь не желает содержать на свои счет тунеядцев и распространителей всяких суеверий». Председатель Лалуа ответил депутации, что после отречения Гобеля они могут считать свое желание удовлетворенным.

Вслед за этой депутацией представилась другая, досланная из Невера депутатом Фуше и принесшая собранные в городских церквях остатки фанатизма - посохи, клубуки, статуи святых и пр., - все вещи небольшой ценности, да и донесение Фуше найдено было незначительным. Поэтому депутация встречена была с холодком. Впрочем в посылке Фуше были остатки не только фанатизма, в ней были и остатки феодализма и между прочим герцогская корона. При виде этой короны депутат Юге, впоследствии расстрелянный по делу Гренельского лагеря, был охвачен таким патриотическим негодованием, что потребовал, чтобы этот гнусный символ был растоптан ногами. Стоявший вблизи пристав схватил корону, разбил ее и разбросал ее куски по залу.

В течение дальнейших дней ноября заседания Конвента становятся все более и более интересными. Не проходит ни одного заседания, на которое не приходили бы, к удовольствию народных представителей, депутации от разных секций Парижа и не заявляли бы, что они не признают больше других богов кроме свободы и равенства, и не приносили бы на алтарь отечества серебряные и золотые вещи из своих церквей. Одной из первых по времени была депутация секции Горы.

Но Конвент пока один наслаждался зрелищем драгоценных вещей, ежедневно отнимавшихся у фанатизма, между тем как народ на улицах мог видеть только ящики на носилках, а которых заключались церковные сосуды. Потом решили и ему доставить удовольствие лицезреть церковное добро и поэтому изменили и распорядок и маршрут этих шествий. Начиная с 15 ноября, в них принимали участие облаченные

в церковные одеяния личности, показывавшие всему народу великолепные вещи, которые они собирались передать народному представительству.

Тогда случалось, что несколько парижских секций или несколько прилегающих к Парижу коммун соединялись вместе и составляли одну общую процессию, и каждая из них приносила свою долю ваз, ранее бывших священными, рак, статуй святых и пр. Одной из наиболее импозантных и наилучше организованных процессий, которую мне довелось видеть и которая может дать представление обо всех других, была процессия города Мо и прилегающих к нему коммун. Во главе процессии шел переодетый священником толстый крестьянин, несший хоругвь старого аббатства Сен-Фарон. За ним следовали не меньше 20 крестьян, облаченных в ризы и державших в руках кресты. Потом - огромное множество крестьян в стихарях, а за ними - около 50 ребятишек в одеянии церковных хористов, с кадилницами в руках и поворачивавшихся время от времени, чтобы кадить ослу в епитрахили, покрытому паралиником, с клобуком на голове» с прикрепленным на спине бронзовым ковчегом для мощей, перед которым ребятишки расprostирались и совершали коленопреклонения с хохотом и гиком. Процессию завершала простая тележка, на которую в беспорядке навалили золотые и серебряные церковные сосуды-дароносицы, чаши-тарелочки для св. даров и другие предметы, служившие для католического культа. Впереди этой тележки шел человек, несший огромное черное полотно, на котором громадными белыми буквами, размером около фута, написано было: «Крушение фанатизма». Некоторые участники держали в руках дароносицы и чаши, и они входили в кабачки, им наливали в них вина, и они сами пили и угощали других и пели разные молитвы и на мотивы молитв пели самые скабрёзные песни. Я шел за этой процессией до самого зала заседаний Конвента. Но толпа, привлеченная новизной зрелища, была так велика, что я не мог протиснуться в зал. Вместе со многими другими я остался в вестибюле Павильона часов. Когда процессия стала подниматься по большой лестнице, она запела песенку «Господин Мальбрук умер» и продолжала распевать ее уже в самом зале, что привело в веселое настроение народных представителей, которые с радостью и признательностью приняли принесенный им дар.

Шометт, изгнавший из всех храмов «бога старых баб», понял однако, что народ, внезапно лишенный объекта своего многовекового поклонения, нуждается в том, чтобы ему дали какой-нибудь эквивалент, и Шометт решил, что французскому народу будет дана новая богиня, богиня *Разума*. Но эта богиня была абстракцией - нужно было дать ей живое воплощение.

Это воплощение имело место 10 ноября 1793 г. а Конvente. Заседание началось с того, что аббат Сийес, одетый в синий фрак, вдруг поднялся и заявил Собранию, что он давно уже снял священническое одеяние, но в настоящий момент он: желает заявить, что по примеру Гобеля, своего духовного начальника, он не признает другого культа, кроме культа свободы и равенства и другой религии кроме любви к человечеству и к отечеству.

Это было лишь прологом. Сийес едва закончил свою последнюю фразу, как решетка с треском раскрылась и показался Шометт в сопровождении большой толпы женщин. С важным видом вел он одну из них, покрытую длинной вуалью. В кортеже были и мужчины. Вошедшая толпа рассеялась по всему залу, проникнув даже на скамьи народных представителей, с которыми стали обмениваться рукопожатиями. Но по знаку Шометта все пришедшие торжественно окружили его, а он медленно направился к креслу председателя (кажется, председательствовал в тот день Лекинио) и вдохновенным голосом воскликнул: «Смертные, не признавайте больше другого божества кроме Разума. Привожу к вам его наиболее благородный и чистый образ, если вам нужен идол - вот он, не ищите других». При этих словах он поднял вуаль с приведенной им женщины, и новая богиня предстала перед нами во всем своем блеске. Он опустился на одно колено и поклонился ей. Гражданин председатель в свою очередь поклонился, поклонились и многие другие депутаты, и единогласно под всеобщие аплодисменты принят был декрет о том, что Конвент будет присутствовать на празднестве в честь Разума и что это празднество будет иметь место в кафедральном соборе, который отныне будет называться храмом Разума. После этого запели патриотические песни и пустились в пляс, в котором приняли участие и депутаты,

Среди народных представителей, не унизившихся до такой вакханалии, а их, надо признать, было большинство, я особенно охотно назову Максимилиана Робеспьера. Я не терял его из виду с момента появления Шометта и внимательно наблюдал его.

Он снимал и снова надевал свои очки, протирал их стекла, нервно отбивал такт ногой, пожимал плечами, зевал, что-то записывал у себя и время от времени что-то говорил на ухо Сен-Жюсту, который, со своей стороны, тоже что-то записывал. Этих записей, которые они показывали друг другу, я конечно не видел, но я очень склонен думать, что это, может быть, были заметки для знаменитого доклада о заговоре атеистов, который 4 месяца спустя был сделан Сен-Жюстом с трибуны Конвента и который привел Шометта на эшафот.

Когда танцы достигли наибольшего оживления, Робеспьер и Сен-Жюст вдруг поднялись со своих мест, посмотрели несколько минут на разыгравшееся пред их глазами зрелище и вышли; как только они покинули зал заседания, создатель и поклонники нового божества растерялись, и председатель, видя смущение танцоров, закрыл заседание. Импровизированное празднество закончилось.

Действительное празднование богини Разума состоялось, согласно декрету Конвента, 20 ноября (декады 30 брюмера) в соборе парижской богоматери, переименованном тем же декретом в храм Разума. Шометт решил придать этому празднеству такой блеск, чтобы оно осталось в памяти будущих поколений. Для импровизированного празднества в Конвенте он, за недостатком времени, взял для роли богини Разума первую попавшуюся женщину, но для грандиозного зрелища, которое он собирался инсценировать в соборе парижской богоматери, он решил избрать более достойную и обратился к звезде Оперы, мадемуазель Майяр (выступавшей под псевдонимом «Армид»), одной из самых красивых женщин того времени. На ее выборе настоял известный певец Лаис, преданный революции человек, всегда носивший фригийскую шапку, член якобинского клуба, по утрам изготовлявший селитру в подвалах, по вечерам певший Марсельезу в Опере и называвший Шометта своим другом. Армид сперва отказалась выступить в роли богини, но, когда Шометт ей сказал: «Ну что же, гражданка, если ты отказываешься быть божеством, то должна будешь примириться с тем, что с тобою поступят, как с *простой смертной*», - она решила принять предложение.

Но вот наступил день торжества. Собор был битком набит самой разнообразной публикой. На площадке раздались веселые восклицания, все взоры обратились к большой средней двери, она раскрылась настежь - и показалась процессия. Предшествуемая толпою одетых в белое женщин, опоясанных трехцветными лентами, увенчанных несколько помятыми искусственными (так как по сезону нельзя было найти живых) цветами, окруженная всеми членами коммуны Общества якобинцев, примыкающих к нему обществ и революционных комитетов, танцорами и танцовщицами, солидно танцевавшими сарабанду, несомая в крытых носилках, украшенных дубовыми ветвями, тоже искусственными ввиду времени года, с фригийской шапкой на голове, с обувью трагических актеров на ногах, одетая в белую тунику и голубой развевающийся плащ, новая богиня проплыла через всю церковь под звуки оркестра и, торжествующая, заняла ризницу девы Марии. Так это предсказал за десять лет до того иезуит Борегад в произнесенной в той же церкви проповеди. Надо добавить, что на всей этой толпе - как мужчинах, так и женщинах - надеты были красные шапки, что представляло собою для лиц, размещенных на 8 трибунах, ослепляющее зрелище.

Шометт галантно предложил руку богине, чтобы помочь ей сойти с носилок. На руках его были белые перчатки. Отмечаю это обстоятельство, потому что тогда белые перчатки не были в ходу и потому что из всех собравшихся один только Шометт надел такие перчатки, к тому же их снежная белизна так резко выделялась на фоне его темно-синей куртки и ярко-красной шапки. Мадемуазель Майяр поднялась по ступенькам и села на том месте, где раньше находились святые дары, с величием, достойным обительницы Олимпа. Можно было бы подумать, что это Венера или Психея усаживается на собрании богов.

У входа в ризницу и немного впереди прежнего алтаря построили эстраду в форме холма, вышиною около 15 футов. На этом холме воздвигнут был алтарь в виде скалы с громадной восковой свечой на ней, которая должна была представлять собою светоч истины. На фасаде скалы красовалась надпись: «Философия». Там богиня Разума, величественно расположившись в кресле, обитом красным бархатом, принимала приветствия своих новых поклонников.

Жрицы богини, т.е. мадемуазель Майяр, в большинстве фигурантки Оперы, выстроились вокруг нее, все опустились на колени, и два причетника подают Шометту забытую в ризнице старую медную кадильницу. Был воскурен ладан пред богиней, как воскуривали его пред бюстом Марата за несколько дней до того в церкви аббатства. Случайно или умышленно, не знаю, лежала на полу, подле алтаря, опрокинутая и разбитая статуя девы Марии. И это послужило темой для речи Шометта, в которой он, насмехаясь над девой и над ее бессилием защитить свой дом, указывал своим слушателям на то, что она не может подняться на ноги, а Христос, ее сын, не в состоянии оживить ее. И, так как она не оживала, Шометт отсюда заключил, что она ничего не может делать, что ее нужно покинуть и поклоняться отныне только *Разуму*.

Единодушные восклицания «Да здравствует Разум», «Долой св.деву» приветствовали эту философскую речь, после которой началось «богослужение».

Здесь я попрошу читателя последовать за мной пока в церковь св.Роха, где актер Монвель выступил плагиатором Шометта, с той разницей, что о соборе парижской богоматери прокурор Коммуны хулил только Христа, а в церкви св.Роха актер изрыгал хулу на самого бога. Это произошло в тот день, когда в этой церкви устроено было празднество Разума, который олицетворяла красивая женщина, почти столь же красивая, пожалуй, как мадемуазель Майяр. Один сосед сказал мне, что это была мадемуазель Обри, другая актриса Оперы. Я этому поверил, потому что Опера с незапамятных времен была питомницей разных богинь.

Как бы то ни было, Монвель взошел на кафедру и, исчерпав весь нечестивый словарь Гольбаха, так закончил свою проповедь:

«Теперь, когда я доказал, что ты не существуешь, - это он к богу так обращается, - докажи ты сам, что ты существуешь. Я только что отрицал твое существование, я не боюсь твоего бессильного гнева. Обрушьюсь на тебя, если ты в состоянии, - обрушьюсь же на меня!» И, произнеся эти слова, проповедник останавливается, он скрещивает руки на груди, поднимает к небу взор, полный презрения, и ждет. Аудиторию на минуту охватывает молчаливый ужас. Я сам ждал, что вот на одной из стен оскверненного храма загорятся пламенем слова «мане, текел, фарес»*. Но никакое пламя не зажглось на голой стене, и мы не услышали никакого раската грома.

Когда яacobинский Бурдалу сходил с кафедры, один из его слушателей сказал ему:

- Гражданин Монвель, ты проповедывал, как ангел.

- Когда проповедуют с убеждением, - ответил он с поклоном, - красноречие само собою приходит на уста проповедника.

Этот чувствительный слушатель был Мамен, тот самый Мамен, при имени которого тотчас же встает перед глазами голова госпожи де Ламбаль, проносимая на острие пики по всему Парижу. Монвель должен был быть польщен его похвалой.

Но возвратимся в собор парижской богородицы. Танцы продолжались, но более стройные и изящные, чем танцы, происходившие в Конvente. Это объясняется очень просто: в собор был вызван весь кордебалет оперного театра. Танцы продолжались еще целый час, после чего Шометт хотел, чтобы пропели последнюю молитву богине. Но богиня, утомленная поклонениями, одурманенная плохим ладаном, изможденная 4-часовым позированием, воспользовавшись моментом, когда танцоры и танцовщицы особенно стремительно завертели, скрылась из церкви через боковую дверь.

Некоторые ригористы шепотом возмущались тем, что Шометт ввел в свою литургию контрдансы. «Они не знали, что у всех народов древности танец составляет существенную часть богослужения и что это называлось «священным танцем».

После такого блестящего успеха праздника в соборе парижской богородицы Шометт распорядился, чтобы все бывшие церкви завели своих богинь Разума. Но, так как он опасался, что новый культ может на первых же порах оттолкнуть от себя всех, если заставлять их поклоняться таким богиням, каких он выбирал до тех пор, он решил впредь выбирать богинь среди молодых особ строгого образа жизни и принадлежащих к честным буржуазным семьям.

Как известно, все церкви были обобраны, и все найденные в них ценности отданы были в монетный двор. Однако на волнистом холме, высившемся над Парижем с юго-западной стороны, стоял древний собор, воздвигнутый Кловисом в честь святых апостолов и посвященный впоследствии Клотильдою скромной дочери гор. Нантера, св.Женевьеве. Там сверкала еще всеми цветами радуги великолепная, усеянная драгоценными камнями рака, содержащая останки святой. Этого, конечно, долго нельзя было терпеть.

Среди деятелей Парижской коммуны был некий Сержан, знавший толк в бриллиантах. Он особенно восхищался бриллиантовым пучком, даром королевы Анны Австрийской, увенчивавшим раку. Ему не трудно было заразить своим восторгом Шометта, который, явившись в одно прекрасное утро в Совет Коммуны, произнес против св. Женевьевы зажигательную речь, в которой потребовал, чтобы на следующий же день рака доставлена была в городскую ратушу, а останки святой были преданы сожжению на Гревской площади. Эти требования были тотчас же приняты Советом, и на следующий день на улицах выкрикивали: «Парижская коммуна осудила бывшую св. Женевьеву и постановила предать сожжению ее останки, а пепел развеять по ветру».

В то же время принимались все меры к выполнению этого постановления. В сопровождении громадной толпы женщины Коммуны направились около 10 часов утра к церкви св.Женевьевы, чтобы конфисковать раку и следить за тем, чтобы все драгоценности остались в целости.

Услышав выкрики публичных глашатаев, я быстро спустился на улицу и поспешил на площадь Мобер. Я поспел вовремя и мог видеть всю процессию. Человек десять, облаченных в церковные одеяния, несли раку во главе толпы, которая, надрываясь, распевала церковные мотивы католической службы.

Как только рака доставлена была; в городскую ратушу, ее тотчас же вскрыли. В ней оказался драгоценный ящик, в котором лежал завернутый в красный шелк костяк святой. Его выбросили на стол.

Посреди площади развели костер, в который под крики собравшихся бросили скелет святой. Вокруг костра плясала толпа. Когда же костер догорел до конца, оставшийся пепел бросили в Сену.

Что касается раки, то протокол вскрытия констатировал, что после внимательного осмотра драгоценных камней членами Коммуны единогласно признано было, что эти якобы бриллианты в действительности оказались разноцветными стекляшками.

Но в недрах Конвента был человек, которому очень мало нравились эти взгляды и который даже не пытался скрывать, от своих друзей, что по существу они ему внушали отвращение. Мы уже видели раньше, с какой поспешностью Робеспьер покинул зал заседаний Конвента, когда Шометт ворвался туда во главе своей банды в день отречения Гобеля. Торжество в соборе парижской богоматери не примирило его с новой богиней, и он это показал на следующий же день. Около 9 часов вечера он прибыл на заседание якобинского клуба. На трибуне в это время находился Эбер, который старался заразить аудиторию своим энтузиазмом по поводу праздника Разума, призывая к разрушению всего, что осталось еще от фанатизма и суеверий. Когда он кончил, Робеспьер, который слушал его, не прерывая, в свою очередь взошел на трибуну. Он начал с того, что отдал должное патриотизму оратора и его ненависти ко всяким суевериям, но тут же прибавил, что опасается, как бы эти почтенные чувства не завлекли его слишком далеко, заменив одно суеверие другим суеверием и превратив атеизм в своего рода религию. Нарисовав яркий и живой образ чудища атеизма, он заявляет, что это чудище - аристократического происхождения и что представление о верховном существе, заботящемся об угнетаемой невинности и наказующем торжествующую преступность, есть представление чисто народное. И он предохраняет своих слушателей от увлечения теми, кто под предлогом освобождения народа от всех пут суеверий желают бросить его в объятия принижающего и разлагающего атеизма.

Слушатели неистово аплодировали своему идолу. Эбер кусал себе губы от досады и молчал. Шометта на заседании не было.